

Николай Добролюбов

**Сочинения князя Александра
Ивановича Долгорукого**

Николай Александрович Добролюбов

Сочинения князя Александра Ивановича Долгорукого

«...Встречаясь с авторами, подобными князю А. И. Долгорукому, критика обыкновенно считает долгом прочесть им поучение о том, что, не имея поэтического дарования, не нужно тратить трудов и времени на вялые стихи и плохие рассказы, что нужно заниматься делом, посвящать себя общественной пользе и пр. Говоря вообще, такое поучение совершенно справедливо и основательно; но нельзя делать ему слишком обширного применения в нашем обществе, где человек пишущий иногда и за то уж заслуживает похвалы, что чего-нибудь другого не делает. Вот, например, князь А. И. Долгорукий...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0020

**Николай Александрович
Добролюбов
Сочинения князя Александра
Ивановича Долгорукого,**

*в прозе и стихах. С портретом автора.
В трех частях. Москва, 1859*

Встречаясь с авторами, подобными князю А. И. Долгорукому, критика обыкновенно считает долгом прочесть им поучение о том, что, не имея поэтического дарования, не нужно тратить трудов и времени на вялые стихи и плохие рассказы, что нужно заниматься делом, посвящать себя общественной пользе и пр. Говоря вообще, такое поучение совершенно справедливо и основательно; но нельзя делать ему слишком обширного применения в нашем обществе, где человек пишущий иногда и за то уж заслуживает похвалы, что чего-нибудь другого не делает. Вот, например, князь А. И. Долгорукий; если о нем судить с отвлеченно-литературной точки, то все его произведения и его самого как автора надо судить беспощадно. В самом деле – ни малейшего проблеска литературного таланта невозможно заметить в десятке его повестей и в нескольких десятках стихотворений, составляющих три тома сочинений князя А. И. Долгорукого. Если судить строго, то надо будет прибавить, что и избытком ума нельзя прекратить все его творения. В стихах большею частью – или развивается мораль, заимство-

ванная из прописей, или делаются тонкие намеки на женский пол и на то, что мы, дескать, «*пожуировали житию*»... Повести почти все – содержания несколько скандально и водевильного.[1] Так, в одной – почтенный муж учит своего приятеля соблазнить какую-то женщину, которая потом оказывается его женой. В другой – удалой полковник хвалится перед молодым офицером, что он его отец; тот вызывает его и убивает, мстя за клевету; а вслед за тем получает от матери письмо, в котором объясняется, что хвастовство полковника имело вполне справедливое основание. В третьей – какая-то барыня влюбляется в гувернера-француза и удаляется с ним ежедневно – показывать китайские тени сыну; муж ее, по наущению князя Лельского, отвергнутого любовника его жены, отправляется в комнату китайских теней, с потайным фонарем, чтобы подшутить над женою. Но – «князь отворил дверь, открыл фонарь, – и что же представилось их взорам? Вместо обещанных чудес, зрелище самое обыкновенное, которое мне ничего бы не стоило передать вам, благосклонный читатель, но, право не знаю

почему, Андрей Андреевич Рюмский (то есть муж) просил меня убедительно этого не рассказывать». Так заключает князь А. И. Долгорукий свою повесть, и в этом заключении можно видеть даже и образчик его изящного слога и тончайшего остроумия.

В образчик стихотворений приведем, пожалуй, одно, которое может дать понятие и о версификации и о философии автора. Называется оно: «Человек».

*Ах, право, жалок человек!
До гробовой доски страдает,
В потемках бродит целый век,
Из ямы в яму попадает.
Несчастный раб своих страстей,*

—
*Преграды нет его желаньям,
И тьму лукавых он сетей
Плетет с бесплодным упованьем!
Что ныне нравится ему,
В чем жизни счастье находит, —
Смеется завтра он тому,
И так всю жизнь свою проводит.
К чему ж гордится он собой,
Всего быть выше здесь мечтает,
Когда с превратною судьбой
Он состязаться не дерзает?*

*Когда не властен в чувствах он
И страсти в нем сильнее власти,
Когда отрадный миг лишь сон,
А прочного – одни напасти!..*

Как видите, стихотворение не отличается ни поэтическими красотами, ни особенною глубиною или новостью мыслей. И все три тома сочинений кн. А. И. Долгорукого доказывают, что автору по плечу только такие идеи и такой стих – не более... Стихотворения альбомные, надгробные, послания и т. п. также отличаются рутинною, всегда бесцветною, а подчас и пошловатою любезностью и болтливостью, даже без всякого остроумия. Стихотворения о жуировке и женщинах тоже не выходят из того тона, который принято называть гвардейским: он вертится на рогах мужей и намеках на тайные желания и на сокрытые женские прелести; высшей точки остроты и игривости достигает он в заглавии одной повести князя Александра Ивановича Долгорукого: «Дыра на бабушкиной юбке» (часть III, стр. 59)... Житейские правила в стихах кн. А. И. Долгорукого преподаются в таком роде:

*Вся сила в том, чтоб не стра-
шиться*

*Всем говорить: «люблю!» смелей;
Здесь дело мастера боятся,
И чем смелее, тем верней...*

Или совет женщине, выходящей замуж:

*Вы в неге счастливой любви
Повязку с глаз подчас снимайте;
Страсть к бабочкам у нас в кро-
ви:
Вы мужу воли не давайте!..*

А то и еще лучше, – вот два куплета из сти-
хотворения: «*Не должно верить никому*»
(часть III, стр. 24):

*Мужик – и тот здесь господина
Оброком хочет оплести;
И, право, если б не дубина,
Пришлось бы по миру идти...
С поклоном нищий вас встречает,
Три дня, бедняжка, он не ел,
Он грош с слезами принимает,
Тогда как рубль пропить успел...*

Русская литература ничего не потеряла бы,
если бы в ней таких стихшков не было, и, гово-
ря абсолютно, князь А. И. Долгорукий, конеч-

но, лучше бы сделал, если бы не писал своих сочинений. Все это совершенно справедливо; этого даже и доказывать не нужно, как видит каждый из читателей по приведенным нами отрывкам. Но бывают случаи и положения, в которых абсолютные суждения надобно принимать почти совершенно наоборот. Чтобы пояснить, как это возможно, мы просим читателей припомнить басню Крылова о том, как

*Какой-то в древности вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где цар-
ствует Плутон;
как его назначили в рай за то соб-
ственно, —
Что сам он областью не правил,
А все дела секретарю оставил, —*

и как Меркурию, отвергавшему справедливость такого назначения, объясняли его совершенную законность, говоря:

*Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?..
и пр.[2]*

Басня эта именно научает тому, как часто практическая польза бывает несогласна с от-

влеченною справедливостью. Подобное несогласие бывает не только в царстве Плутона, но и в нашем современном обществе, а следовательно, и в литературе. И, смотря на литературу с общественной точки зрения и принимая в соображение разные обстоятельства, бывшие и могшие быть, – мы остаемся очень довольны тем, что князь А. И. Долгорукий сочинил три тома повестей и стихов. Подвергать его строгой и язвительной критике мы никак не намерены. А чтобы читатели яснее видели причины такого обращения нашего с князем А. И. Долгоруким, мы должны изложить о нем некоторые биографические подробности, найденные нами в его стихотворении: «Я».

Мы узнаем из этого стихотворения, что князь Александр Иванович – сын князя Ивана Михайловича Долгорукого, известного автора стихотворений: «Парфену», «Везет», «Авось» и пр. Находим здесь и признание, что «лира звучная отца» досталась в наследство и достояние сыну; только с этим не можем вполне согласиться: сочинения князя-сына составляют большой шаг назад от стихотворений кня-

зя-отца, у которого по местам действительно были проблески остроумия, светлых мыслей и даже теплого чувства. Но это в сторону: литературная параллель князя Александра Ивановича Долгорукого с кем бы то ни было из известных сочинителей не может повести ни к чему хорошему – для князя. Пойдем далее. Из стихотворения «Я» видно, что автору его теперь уже лет около семидесяти: он говорит, что пять лет учился в Геттингене, потом служил у какого-то министра,

*Не отставая от других,
Усердной службой отличался;
Но, выгод не найдя своих,
С чернильной жизнью распрощался,
Перо на саблю променял
(Восстал француз на Русь свя-
тую).*

Итак, князю А. И. Долгорукому было уже лет 25 в 1812 году! Следовательно, его полное развитие совершилось прежде, нежели явился у нас Пушкин, не говоря о Гоголе и Белинском. Он мог воспитаться только на «звучной лире своего отца» да на лирах Державина, Хе-

раскова, Нелединского и т. п. Стало быть, уже по этому одному рассматривать творения князя А. И. Долгорукого с современно-литературной точки было бы крайне несправедливо, хотя многие из них и писаны в *настоящее время, когда*[3] и пр. В одной из повестей автора упоминается даже о взятии Шамиля; но это ничего не значит. Все-таки по своему взгляду и убеждениям князь А. И. Долгорукий принадлежит, как сам он выражается, *своему веку, когда люди* —

*И веселились, и любили,
И чувств своих и юный век
В суровой мысли не губили, —*

то есть отлично умели мешать самое игривое препровождение времени с прописною нравственностью, как видели мы в сочинениях самого князя А. И. Долгорукого. Таким образом, очевидно, что по своему воспитанию и воззрениям он принадлежит еще к числу

*Сих остальных из стаи шумной
Екатерининских писак...[4]*

Он может в литературе нашей найти себе ровесников разве в г. Федоре Глинке и г. Ни-

колае Грече (так как г. Булгарин уж умер) и вообще может померяться годами с маститейшими старцами нашего времени... Вообразите же, что мог бы совершить в свою долгую жизнь этот старец, если бы вздумал подражать Ф. Булгарину или кому другому из подобных маститых старцев. А что он мог бы с большим успехом подражать им, в этом он сам удостоверяет нас: он говорит, что он не глупей других и мог бы не хуже кого другого идти даже по службе: —

*И, словом, многим в образец
Я мог поставлен быть по службе,*

—
*Что знаю дело, не глупец,
И даже, так сказать, по нужде
И сам бы мог министром быть...*

Видите, куда хватил князь А. И. Долгорукий! А впрочем, какое же мы имеем право сомневаться в его словах?.. Особенно же вспомним, что его слова относятся не к настоящему времени, когда, говоря словами нашего знаменитого политико-эконома, г. Бабста, «уважение к общественному мнению везде заставляet невольнo выбирать в государствен-

ные деятели людей, пользующихся известностью и специально знакомых с частью государственного управления, в челе которой их ставят» («Путевые письма», стр. 17).[5] Теперь, конечно, слова князя А. И. Долгорукого должны казаться произвольною гиперболою; но ведь слова эти, как и самая карьера князя, относятся к тому времени, когда гласность и общественное мнение были не столь сильны, как ныне, – когда специальности для высших должностей не требовалось, когда Державин и Дмитриев были министрами юстиции, и – говорят – даже хорошими министрами. В то время и князь А. И. Долгорукий мог бы многого добиться... Но он сам не захотел этого и посвятил себя – развлечениям с прекрасным полом и литературе... Он говорит:

*От горькой участи вельмож
Пусть нас избавит провиденье!
Их раболепных, гордых рож (!)
Боюсь я даже в сновиденье!
Что их величье? Пустоцвет!
От них плода, друзья, не ждите!
Доколь принадлежит нам свет,
Играйте, смейтесь и шутите!..*

Вследствие таких убеждений и наклонностей и еще вследствие того, что *любил резать правду*, князь А. И. Долгорукий и не попал в министры и вельможи, а, прослужив шестнадцать лет опять у министра после кампании 1815 года, все-таки *не нашел своих выгод* и вышел в отставку в чине восьмого класса. Он замечает даже, что ему, верно, суждено и «скончаться в восьмом классе, сыскав местечко на Парнасе»...

Теперь – надеемся – уже очень понятно, почему мы одобряем усердие князя А. И. Долгорукого к литературе. Как бы плохо он ни писал, как бы его стихи ни были бездарны, а повести пошлы, – но ведь он ими никому особенного вреда не причиняет. Ими он становится наряду с такими безвредными господами, как г. Воскресенский, г. Рафаил Зотов, князь Григорий Кугушев и т. п.[6] Все, что есть *несообразного* в его голове и сердце, все это высказывается печатно, подлежит литературному обсуждению, и, главное, все это ни для кого не обязательно. Но представьте себе, что князь А. И. Долгорукий все время свое и способности употребляет на общественную

деятельность: что бы вышло?.. Мы видели отчасти его понятия: он жалуется, что крестьянин неисправно оброк платит и что *если бы не дубина*, то помещику пришлось бы по миру идти; он видит в нищем не более как человека, спившегося с кругу; он служит для того, чтобы *найти в службе свои выгоды*... Если разберем всю его философию, сказавшуюся в его стихотворениях, то увидим, что теоретические ее основания – покорность провиденью, смирение кичливого ума, воздержание от всяких самостоятельных порывов, а практические правила – уменье жуировать и с чистою совестью наслаждаться пирами и любовью, помышляя в то же время, что все – прах и суета... Что, в самом деле, если бы с такими эпикурейски-мистическими наклонностями князь А. И. Долгорукий продолжал свою служебную карьеру и вместо плохого стихотворца сделался бы плохим сановником? А потом —

*Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?., и
пр.*

Нет, пусть говорят, что хотят, литературные пуристы, строгие поклонники теории искусства для искусства; но мы не можем осудить почтенного старца за его пристрастие к литературным занятиям... Мы не скажем ему стереотипного приговора записных критиков: «Лучше бы ему не писать своих произведений; а если уж написал, то лучше бы *оставить в своем портфеле...*» Нет, – пусть его пишет, пусть издает, пусть утешается, видя имя свое напечатанным на заглавном листе книги, пусть упивается похвалами друзей... Все это безвредно, невинно... мы готовы даже сказать: похвально и полезно, – вспоминая, как много у нас представляется человеку возможностей делать зло, просто от нечего делать. Оценим то, что князь А. И. Долгорукий мог, но не хотел добиться блестящей карьеры, и оставим другим поражать его стрелами литературной критики. Не станем горячиться против наводнения литературы подобными творениями; не будем советовать авторам, вроде князя А. И. Долгорукого, бросить лиру и посвятить свое время и труд на что-нибудь другое. Напротив, пожелаем для пользы нашего

отечества, чтобы пример князя А. И. Долгорукого вызвал подражание во многих наших общественных деятелях и чтобы они, перестав упорно искать выгод на службе, посвятили все брренное существо свое мирному служению музам.

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 12, отд. III, стр. 236–242, без подписи. Принадлежность рецензии Добролюбову устанавливается на основании списка его произведений, составленного Чернышевским (ЛН, № 25–26, стр. 247, и гонорарной ведомости «Современника» за 1859 год (ЛН, № 53–54, стр. 257).

В сочинениях А. И. Долгорукого (1794–1868) – характерное для многих «светских», «салонных» литераторов сочетание эротических и религиозных мотивов и политической «благонамеренности».

Комментарии

Первая из характеризуемых далее Добролюбовым повестей – «Чудаки», вторая – «Роковая пуля», третья – «Китайские тени».

[^^^]

2

Цитата из басни Крылова «Вельможа» (1833–1834).

[^^^]

3

В настоящее время, когда... – Об употреблении Добролюбовым этого выражения см. в наст. томе прим. 1 к рецензии «Журналы, газеты и публика».

[^^^]

4

Перефразировка строк стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой» (1831): «Сей остальной из стаи славной екатерининских орлов».

[^^^]

Цитируется книга И. Бабста «От Москвы до Лейпцига» (М., 1859), стр. 17. Опущенное Добролюбовым окончание этой фразы в книге Бабста: «в челе которой их ставят, а не первого проходимца».

[^^^]

О М. Воскресенском см. рецензию Добролюбова «"Повести и рассказы"... "Наташа Подгорич" М. И. Воскресенского» (т. 3 наст. изд.); *Зотов* Р. М. (1795–1871) – реакционный писатель, неоднократно упоминавшийся Добролюбовым как автор низкопробных произведений. О Г. Кутушеве см. в наст. томе (стр. 151–156) рецензию на его «Постороннее влияние».

[^^^]